

УДК 316.3

А.Э. Страдзе

A.E. Stradze

**ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ
СОЦИАЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**THE PARADOX
OF SOCIAL ACTIVITY
IN THE RUSSIAN
SOCIETY**

Статья ставит целью выявление парадоксальности социальной активности в российском обществе. Автор представляет парадоксальность социальной активности как результат совмещения позиции социальной апатии и декларирования активного отношения к социальным процессам.

Ключевые слова: социальная активность, социальный парадокс, парадоксальный человек, социальные практики.

The article aims to identify a paradoxicality of social activity in the Russian society. The author presents the paradox of social activity as a result of combining the position of social apathy and Declaration of active attitude to social processes.

Key words: social activity, social paradox, paradoxical man, social practices.

А.Э. Страдзе

Директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки РФ (г. Москва).
E-mail: ippk2004@yandex.ru

A.E. Stradze

Director of additional education, training and youth policy of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Mokow).

E-mail: ippk2004@yandex.ru

© Страдзе А.Э., 2013

© Stradze A.E., 2013

В российском обществе социальная активность является одной из востребованных тем социальной жизни. Парадоксальность социального поведения постоянно выявляется в том, что социальная активность, безусловно, осуществляется в виде социального запроса, а на деле осуществляются прямо противоположные установки, допускающие активность только по отношению к кругу близких или на социальном уровне.

Разумеется, рост волонтерского движения или влияния других добровольческих организаций является фактом современной российской жизни, чему свидетельством является активное участие тысяч людей в благотворительных, социально-экологических и иных акциях. Поэтому вполне уместно рассмотрение парадоксов социальной активности по уровням социального поведения россиян в определенных сегментах общественной жизни, жизни отдельных групп людей и каждого человека [1].

Видимой причиной выступает неадекватная социальная самооценка, согласно которой большинство россиян позиционируют себя как люди, которым небезразлична судьба страны или, по крайней мере, жизнь близких, и в том, что ответственность за социальные перемены возлагается, в лучшем случае, на государство. Складывается впечатление, что для большинства россиян социальная активность либо является привилегией групп населения с надлежащими социальными ориентациями, либо она утратила свой смысл по принципу «спасайся, кто как может».

В настоящее время все чаще приходится встречаться с новыми явлениями социальной активности, когда в одном человеке, как пишет Ж.Т. Тощенко, уживаются противоположные, а иногда и взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек бежит сам от себя и от общества в одно и то же время и в прямо противоположных направлениях [2]. С одной стороны, очевидно одобрение социальной активности как поведения, способного вызвать в обществе позитивные перемены, с другой – специфическое, а иногда и негативное отношение, связанное с тем, что никакие меры невозможны, или подозрения в том, что под социальной активностью маскируются вполне корыстные интересы.

Можно говорить, что ситуация парадоксальности формируется в условиях социальной аномии, утраты значимости социальных норм и предписания, отсутствия эталонов, стандартов поведения, что неизбежно снижает чувство солидарности с другими людьми. К этому обоснованному замечанию Ж.Т. Тощенко стоит прислушаться, так как чувство социальной эксклюзии вызвано, прежде всего, тем, что человек ощущает неэффективность, а иногда и неприемлемость социальных норм, в частности социальной активности. Это воспринимается как ситуация, в которой окажешься неизбежно проигравшим, в то время как остальные исповеду-

ют явный индивидуализм, настроены прагматично и не видят ничего позитивного в общественной полезности.

Важным условием формирования парадоксального отношения можно считать отсутствие доверия к государственным институтам, что, вроде бы, должно стимулировать гражданскую активность. Однако в условиях несформированности гражданского общества и отсутствия, как отмечалось ранее, ценностных ориентиров это вырождается в бесконечный конфликт интересов.

Одним из наиболее узких мест в социальной активности является отсутствие социально-референтных групп – групп, выступающих «мотором», локомотивом, катализатором общественных перемен, имеющих достаточный ресурс социального авторитета и узнаваемых в большинстве слоев общества. В сущности, социальная активность оценивается по критерию непосредственной пользы, того влияния, которое оно может принести для круга близких, для своих интересов.

Заявляя, что в обществе отсутствуют условия социальной активности и она воспринимается как отклонение от нормального поведения, тем самым признается, что российское общество стало обществом тотального недоверия и генерализующая роль права, создание правовых отношений нисколько не смягчают эту проблему, так как право в условиях отчуждения приводит к предельной регламентированности активности населения и порождает кризисные состояния в сознании.

Определяя социальную активность россиян как активность без идеала, мы можем назвать эту тенденцию инструментальным активизмом – деятельностью, направленной на достижение непосредственных целей. Парадоксальность состоит в том, что, даже исповедуя прагматические цели, люди нерациональны, затрачивают массу усилий, намерены действовать разрозненно там, где требуются элементарные формы социального объединения. Причем способ подключения к социальной активности достаточно примитивен: если затрагиваются собственные интересы – происходит мобилизация на уровне локальных групп. В то же время эти претензии воспринимаются остальной частью общества как волнующие только тех, кого они затронули.

Очевидно, что в современных условиях степень участия социальной активности связана с личной безответственностью из-за господства норм социальной эксклюзии. Требования предъявляются к обществу, государству, к кому угодно. Им приписываются обязанности в силу, якобы, компетентности и профессионального долга. Но если исчезает, расщепляется социальная активность, если она не воспринимается как средство контроля человека над социальными процессами, не является ли стимулом к социальной активности осознание незащищенности и ситуации неопределенности?

На наш взгляд, в движении социальной активности от противного существует мощный заслон. Активность воспринимается как масштабная проективная деятельность и не отождествляется с теми локальными повседневными проектами, политикой повседневных дел, которые могли бы принести результат здесь и сейчас. Такое «возвышенное» отношение к социальной активности фактически выводит из ее влияния массу людей, которые оправдывают собственное бездействие тем, что им не хватает ни времени, ни сил, ни компетентности, чтобы совершать значимые дела, что их ориентации слишком приземлены, чтобы мыслить глобальными категориями. В этом выражается определенная парадоксальность: люди, с одной стороны, надеются на изменения повседневности, с другой – рассматривают повседневность как сферу рутинности, в которой не происходит ничего чрезвычайного.

Попытка совмещения частных инициатив и общественной активности, как правило, не рассматриваются. Нельзя не признать трансформацией сознания тот факт, что большинство современных россиян оценивают собственную жизнь как достаточно адаптированную, считая, что привыкание к изменениям означает уход от тех проблем, которые не входят в круг личных интересов. Складывающиеся институциональные традиции нацеливают на индивидуальное взаимодействие. Осознание же традиций коллективизма относится к оценке исторического прошлого. Определяя, что система легитимированных практик не сложилась в российском обществе, можно полагать, что для большинства активность не выступает значимой именно по данному критерию и выносится, откладывается на далекое будущее.

Это представление основывается, скорее, на когнитивном диссонансе позиций, чем на каких-то рефлексивных основаниях. Важно понять, что социальная активность уже не является синдромом прошлого и в современном российском обществе обретает формы гражданской ассоциированности. Перевод социальной активности на локальный уровень отвечает задачам конкретного сообщества. Другое дело, что она до сих пор не дает совокупного социального эффекта, не влияет на позитивную динамику социального самочувствия в целом.

Очевидно, проблема состоит не только в совместном качестве пассивности, индифферентности молчаливого большинства, имплативности, по выражению Бодриера, когда внешние импульсы поглощаются и гасятся внутри себя, переводя на язык тихого бормотания. Парадоксальность исследуемой ситуации углубляется тем обстоятельством, что в российском обществе активность, благодаря усилиям некоторых ученых либеральной ориентации, ассоциируется с советским наследием, в то время как без надлежащего уровня социальной активности, без позитивной мобилизации населения трудно предвидеть, каким образом могут осуществляться модернизационные проекты.

М.К. Горшков в своем исследовании подчеркивает, что люди в целом очень хорошо осведомлены о реформах социальной сферы, 44 % опрошенных по-прежнему ничего не знают о национальных проектах и, как следствие, априори ничему не верят [3]. Но даже не в этом состоит основной парадокс. Знание о проектах и изменениях может только усугублять подозрения и страхи и приводить к отторжению любых социальных новаций, которые предлагает власть.

Государство, на взгляд россиян, демонстрирует пример устранения от социальных проблем, перелagая их на население. Тем самым призывы к социальной активности могут восприниматься как дополнительное «тягло» и без того нелегкой и сложной современной жизни. Справедливым представляется упрек в том, что общество застыло в бездействии, что в российском обществе в условиях стойкого недовольства протест не конвертируется в реальные социальные действия.

С другой стороны, есть достаточно оснований считать, что удовлетворенность 68 % населения своим статусом [4] показывает стабилизацию настроений, связанную с тем, что произошло освобождение от несбыточных ожиданий, а с другой стороны, идет поиск иных практик для реализации собственных замыслов.

При такой ситуации неудивительно, что рядовые граждане руководствуются, в основном, собственной логикой – логикой активизма, разделяют активность на нужную и полезную для них, и избыточную и не приносящую пользу, а даже вред. Мнения о том, какой должна быть социальная активность, резко расходятся в том значении, что схема повседневных дел в российском обществе воспринимается как личное участие, в то время как социальная активность относится к тому, что не реализуемо даже совместными усилиями россиян.

Оценивая свое статусное положение даже как плохое, респонденты констатируют, скорее, бесперспективность ожиданий, нежели перераспределение жизненных приоритетов в пользу социальной активности. Активность не выступает тем способом и инструментом, который может привести к улучшению материального положения. К тому же активность может оцениваться как то, что является угрозой стабильности, а по мнению 73 % россиян [5] проблемное общество нуждается в стабилизации. Права же и свободы необходимы человеку для закрепления имеющегося социального статуса.

Более позитивный момент можно обнаружить в том, что для россиян важен меритократический принцип, то, что доходы человека должны находиться в зависимости от квалификации и предприимчивости (67 %). Это опять же связывается с личными усилиями и не приобретает коллективно мобилизующего значения.

Полагая, что активность «профессионализована», относится к обязанности общественников, проявляется влияние советской традиции, но, с другой стороны, очевидно, что социальная активность измеряется осознанием принадлежности к активным или неактивным группам населения. Выработанные за годы реформ адаптивные навыки содействовали формированию в обществе социально инертного большинства, которое, дистанцируясь от государства, в то же время не может «успокоиться» по поводу социальной несправедливости, считая, что именно неравенство социальных позиций вызывает дистанцирование от различных форм социальной инициативы, что бесполезно в обществе с ярко выраженными социальными барьерами, трещинами и расколами находить те формы активности, которые бы консолидировали значительное большинство россиян.

При этом значительная часть опрошенных считают, что могут реализовать свои жизненные планы в создавшихся условиях. Особенно это характерно для достаточно молодых людей с высоким уровнем профессионального образования, работающих, в основном, в частном секторе экономики [6]. На наш взгляд, такая социальная экспозиция свидетельствует о том, что активность не воспринимается вне ассоциации с должным профессиональным, образовательным уровнями. Иными словами, чтобы быть активным, индивид обязан обладать теми навыками, которые интересны другим, востребованы обществом и не заниматься ничегонеделанием.

Особенно важными являются характеристики жизненных ситуаций, в которых возможна социальная активность. На наш взгляд, отмечая, что относительно небольшое число россиян (14 %) [7] никогда не ощущали беспомощности, к социально активным группам населения может быть отнесена лишь та часть, которая предполагает наличие высокого образовательного ресурса и достаточного желания изменить положение именно в данных условиях, а не обращением к лучшему будущему.

Кроме того, влияние ситуации состоит в том, что описанные особенности относятся к тем, кто и так, вроде бы, по показателям демонстрирует высокий уровень материальной обеспеченности. Создается парадоксальная ситуация, при которой все группы населения, которые должны были бы проявлять высокий уровень социальной активности, инертны, а необходимость действовать активно предписывается тем, кто и так ощущает себя удовлетворенными.

Наконец, еще четче проявляется зависимость между условиями вторичной социализации, возрастными различиями и способностью консолидировать общество на уровне активности. Иными словами, бедные не могут стать объединительным центром российского общества. Эта роль предписывается в сложившихся условиях представителям среднего класса [8]. Между тем в России средний класс не характеризуется гражданскими добродетелями и относительно «спокойно» воспринимает социальные не-

равенства. В этих условиях не трудно предположить, что активность превращается в социальную химеру, т.е. то, о чем говорят, но то, что не приобретает практического значения в восприятии большинства россиян.

Другое дело, что поиск новых смыслов активности сопровождается вплетением в контекст других, прежде всего, социально-экономических идентификационных факторов. Революция ожиданий закончилась очень быстро – в начале 90-х гг. И все последующие годы происходил постепенный отказ от априорной веры в какие-либо идеологически окрашенные проекты жизнеустройства [9].

Россияне далеки от того, чтобы ассоциировать активность с идеологическими движениями, и любое идеологическое проектирование вызывает настороженную реакцию, а то и отторжение. На наш взгляд, это свидетельствует не о том, что в российском обществе восторжествовала идеология деидеологизации, а скорее о том, что традиционные разделительные идеологии не способны вдохновить на социальное участие по причине дискредитации присваивающих политических структур.

Потребности, которыми руководствуются россияне в оценке социальной активности, коррелируют с их объективными социально-ресурсными характеристиками. Ярko выраженный интерес к социальной активности проявляют интеллектуальные слои населения, рассчитывая на то, что именно такой выбор позволит им решить проблемы не только жизнеустройства, но и социального самочувствия.

Тем не менее частота выбора этого фактора существенно варьирует в зависимости от социально-территориальных, региональных различий. В российских регионах, где условия жизни определяются узостью локального рынка труда и высоким засильем неформального капитала, социальная активность не одобряется и не воспринимается как всеобщая цель. Значимость выбора определяется тем, насколько респондент не относится к региональной среде как чужой.

Довольно многолюдная столичная траектория, маркированная под знаком социальной активности, связана с модностью волонтерства. Но другой причиной можно назвать действия по аналогии: социальная активность осознается как способ защиты достигнутого положения, как инструмент противодействия тем социальным эффектам, способным разрушить достигнутый комфорт.

В этом смысле также проявляется парадоксальность. Российская провинция воспринимает активность в контексте дестабилизации / стабилизации региональной среды. Для столичного дискурса характерны некий социальный нарциссизм и обеспечение возможности роста самореализации при «моде» на социальную активность.

Высказанные соображения весьма существенны в том смысле, что социальная активность состоялась в российском обществе как маркер со-

временной личности, но не определяет общественную жизнь в качестве механизма социальных изменений и не снижает, не ликвидирует дисбаланс между ожиданиями и реальностью. Деформация социальных ориентаций связана с невозможностью достичь желаемого статуса через социальную активность, может вызывать перманентную неудовлетворенность своим положением, что, в свою очередь, влияет на восприятие социальной активности как нежелательной и проигрышной по сравнению с позициями сторонников социальной апатии.

Отмечая, что социальная активность может интерпретироваться в массовом сознании как в качестве избыточной, мы имеем в виду, что для большинства россиян удовлетворенность жизненными условиями и реализация жизненных планов ассоциируется с индивидуальными усилиями. В то же время нельзя сказать, что отрицание активности, как коллективистских практик, носит принципиальный характер. Скорее, мы имеем дело с отношением по критерию удобства / неудобства.

Приветствуя появление в обществе принципиальных социально ориентированных людей, большинство не готовы поддержать их, пытаясь доказать, что для них ноша социальной активности слишком высока и не может конкурировать со схемами повседневной деятельности.

Также выявляется тенденция недооценки интеграционного потенциала активности, к которой подтягивают, преимущественно, деятельность социально протестную. Для выхода на новую траекторию активности в обществе возникла атмосфера благожелательного скептицизма. Верно схватывается значение активности, как инструмента защиты социальных интересов и суверенитета личной и партикулярной жизни, но в целях достижения негласного договора государства, как способа самозащиты общества, активность измеряется дозированной, с оглядкой на то, что разрешено или не разрешено.

В 90-е гг. социальная активность колебалась в амплитуде увлечения западным опытом и понимания демократии в ее варианте непосредственного участия. В последние же годы происходило свертывание общего пространства активности, где отличительной особенностью стали движения одного требования [10]. На наш взгляд, указанные структурные перемены отражают парадоксальность жизни. Спонтанность данных движений определяется тем, что активность до сих пор выступает как нечто, что выходит за пределы организованных практик, а с другой стороны – их эффективность выводится из того, что государство не желает сталкиваться с неизвестными рисками или формированием нового общественного контекста.

Между тем поддержка социальной активности и ее одобрение в качестве жизненной траектории осложняются тем обстоятельством, что и политическая элита, и крупный бизнес рассматривают ее, в лучшем случае, в качестве «массовки» [11]. На этом фоне, когда любая форма соци-

альной активности варьируется как спектакль, как организованное действие, как ведомая инициатива, принципиально важным становится нахождение новых стимулов и форм социальной активности.

Сегодня распространено мнение, что большинство населения находится под сильным влиянием патерналистского синдрома или заключения активности в корпоративных узкогрупповых интересах. Наиболее перспективным представляется переключение режима социального действия с удовлетворения отдельных интересов, как бы это ни казалось эффективным, на выработку общей платформы, тех значимых приоритетов, которые были бы интересны и оказывали влияние на жизнь большинства россиян.

Преобладающее на сегодняшний день мнение, что парадоксальная ситуация воспроизводится как следствие ментальности россиян или непреодоленности синдрома двоемыслия, может иметь отношения только к ориентируемым практикам. Результатом появления новых форм активности являются попытки формирования социальных сетевых структур.

Сложность заключается в том, что, так как большинство инициатив в обществе не дискутируются в пространстве публичной политики и носят закрытый кулуарный характер, у населения не хватает достаточной компетентности или просто информированности по поводу происходящих изменений, социальная активность в этом смысле вынужденно становится социальной реакцией, в которой часто нельзя различить рациональные смыслы и значения.

Дело в том, что соотношения ожиданий, ориентаций, планов, которыми сопровождается легитимация социальной активности, в реальности определяется отношением к социальной ответственности, коллективным социальным опытом. К сожалению, ни одно из общественных движений не может позиционироваться как достаточно успешное ни в диалоге общества с властью, ни в реализации инициатив. Укажем лишь, что, например, существующие в России социальные инициативы заключены в достаточно узком спектре НКО, где созданы такие условия, которые не позволяют им ориентироваться на общественное благо или, по крайней мере, на общественную известность.

Грантозависимость фактически заставляет работать в режиме выполнения требований заказчиков. И большинство структур существуют не за счет наращивания ресурсов влияния, а за счет участия в тех или иных, часто носящих завуалированный коммерческий характер, проектов. В период активных процессов, в который вступило российское общество, то, что иногда на быденном языке называют «социальная турбулентность», проистекает из нерешенности массы социальных проблем, которые бы в условиях нормальной регулярной социальной активности могли принимать менее острые формы или решаться менее конфликтно.

Подчеркивая, что для большинства россиян в прошлом остались страхи, которые довлели над страной еще десять-пятнадцать лет назад, предчувствия распада государства, гражданской войны и экономического коллапса [12], можно сказать, что и не сформировались позитивные установки. Режим – ставка на обходные пути, хотя и признается открыто только 13 % респондентов, в реальности является предполагаемой жизненной стратегией большинства.

Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, только 8 % апеллируют в обращении к органам власти, но с другой – большинство респондентов не испытывают доверия и к выходящей за рамки привычности социальной активности, вернее, стараются решать эти вопросы единолично. То же самое можно сказать об институционализации активной самостоятельности россиян, о придании ей регулярных легитимных форм.

Чтобы выработать надежную стратегию действий, необходимо сдвинуться с «мертвой точки» недоверия. Но вопрос на самом деле состоит в том, что для большинства существует убежденность в эффективности собственных сил, а не чиновников [13]. Но, как мы уже говорили, это расшифровывается в том смысле, что недоверие к государству, государственным структурам и чиновникам имеет ту сторону, что никакие акты социального воздействия или выражения мнения не могут сыграть положительной оценки.

Можно согласиться с мнением Ж.Т. Тощенко, что во многом существующий парадоксальный человек является социальным типом, ориентированным на взаимоисключающие мнения и суждения как способ социальной адаптации [14]. Действительно, смешение должного и сущего в общем означает, что ценности и нормы не выступают обязательными, а сфера должного воспринимается как вариант самооправдания.

Нельзя, судя по общественным настроениям, говорить о массовой фрустрации или чувстве безысходности, отчаяния. Другое дело, что для большинства россиян присуща позиция выжидания, которая порождает массу вариаций по поводу форм отвержения активности. Среди причин, порождающих подобные парадоксы, можно назвать и нарушение четкой взаимосвязи ценностей и ориентаций социальной структуры общества [15], что выражается в формировании неадекватного отношения к любым изменениям как таковым, которые усиливают общий фон социальной неопределенности.

Рассматривая поставленную проблему в контексте парадоксальности поведения, следует отметить, что, если принять «объемлющей» причиной сочетание противоположных установок и воззрений, мы столкнемся с феноменом социальной дезориентации и дезорганизации, которая может иметь основания как в социальном анархизме, отмеченном еще В.Г. Федо-

товой, так и в манипулировании сознанием. На наш взгляд, подобное объяснение, имея высокую степень достоверности, нуждается в уточнении.

Во-первых, нельзя сказать, что существует корреляция между разрывом декларируемых целей и жизненных стратегий и уровнем социальной активности. Здесь уместно замечание о том, что россияне понимают формы и ценности демократии в приватном смысле и не привыкли их измерять в контексте социального участия, что характерно для обществ ранней демократии.

Во-вторых, для многих россиян любые коллективистские формы выступают аналогом государственных организаций, синонимом принудительности, массовости, в которых теряются индивидуальные запросы, индивидуальные потребности. Так что дело состоит в том, что не сформирован дискурс, совмещающий индивидуальные социальные устремления и коллективные формы их выражения. Допустим, экологические проблемы вызывают неподдельный интерес и тревогу, так как затрагивают здоровье людей. Но, казалось бы, благоприятный личностный фон для актуализации экологических инициатив резко снижается по причине того, что экологические организации выступают достаточно закрытыми экспертными сообществами, заинтересованными, прежде всего, во взаимодействии с властью, чем широкой общественностью.

Между тем опыт формирования «зеленых» движений свидетельствует о том, что, несмотря на специфичность понимания социальной активности в российском обществе, есть определенное сходство условий в обращении к повседневным практикам, к инициированию достижимых целей, к формированию групп давления и влияния в контексте предупреждения и нейтрализации экологических рисков. Парадоксальность выявляется в несоответствии имеющегося запроса на социальную инициативу и отношения к реализации инициативы, сводимой к тому, что власть когда-нибудь и как-нибудь примет необходимые меры.

Ориентируясь на преодоление социальной апатии, неизбежно требование «перерождения» отношения к социальной проблематике. Побудительной причиной становится понимание того, что произошедшие социальные изменения привели к появлению новых состояний общества, которые представляются не вполне ясными и тем, кто считает себя идеологами общественных перемен.

Казалось бы, наибольшее значение в этом смысле представляет преобладание статусных отношений [16], направленных на утверждение практики негласных договоров и сужение сферы публичной социальной активности. Дело в том, что эта проблема тесно смыкается вопросом о возможностях воздействия на состояние общества. Соответственно, и структурно-функциональное измерение социальной активности теряет свой смысл.

Полезным являются предположения о конвертации поведенческих практик в различные формы доминирования и солидарности. Если интересы граждан не определяются солидарностью, внутренней лояльностью и взаимными обязательствами, перспективы изменений просматриваются слабо. В социальной активности россиян нельзя усмотреть образцы чисто рациональной деятельности, вернее, за таковую принимается политическая активность. Но в силу расширения сферы неполитического она теряет свой главенствующий смысл.

Снижение важности ценностного фона, сопровождающееся падением общественного альтруизма, тем не менее, сохраняет устойчивую ориентацию на безопасность, мудрость, знания, что делает возможным появление форм социальной активности в виде новых сетевых отношений. К тому же реализация личности в российских условиях происходит в переходе от одного жизненного проекта к другому, выявляя устарелость представлений.

Рассматривая взаимозависимость отдельных индивидов социальных групп, категорий в системе социальной активности, можно сказать, что общественное мнение до сих пор больше сосредоточено на проблеме социальных конфликтов, чем солидарности [17]. Это вызывает настороженное отношение, объясняя кажущийся парадокс. При одобрении социальной активности принимается как идеальный вариант, но при включении в конкретные обстоятельства – вызывает массу возражений не столько по поводу низкого уровня готовности, а предвидения возможных рисков и напряжений.

Как пишет М.К. Горшков, люди достаточно пессимистичны в оценке шансов на взаимопонимание и сотрудничество между элитой и нищетой. Возможность социального примирения до сих пор допускают 43,2 % [18]. Это, казалось бы, должно вызывать классовые конфликты и приводить к радикализации социального поведения. Но мы можем говорить лишь о том, что как раз осознание этого обстоятельства (невозможности социального примирения) становится объяснением парадоксального поведения.

В этом случае срабатывает механизм бесполезности активности, даже если та или иная группа пытается выразить не одно требование, как мы отмечали ранее, а выступить с достаточно развернутой позицией по поводу социальной проблематики. Имеющиеся экспертные сообщества в силу различных причин заинтересованы в сохранении своего монополизма на трактовку общественных (экономических) проблем, и, на наш взгляд, «преуспевают» во внушении обществу чувства недостаточной компетентности и намек на то, что обыденный смысл лишен оснований претендовать на роль модератора социальной активности, поскольку сам по себе парадоксален.

Таким образом, определяющим выступает бессубъектность тех, кто претендует на роль общественного авторитета. Каждый раз, когда речь заходит о значимости той или иной инициативы, она переводится в вер-

бальный дискурс, «забалтывается», что свидетельствует либо о практической социальной неподготовленности, либо о том, что данные экспертные сообщества заинтересованы в воспроизводстве или продолжении ситуации, чтобы наживать на этом социальный и экономический капитал.

Во-вторых, совершенно не факт, что сформировавшийся парадоксальный человек является ключом к пониманию противоречивости социального поведения. В обществе существует значительный потенциал активности. Другое дело, что неопределенная проблемная ситуация не дискутируется, не переводится в сферу публичной политики и ей не придается рефлексивный смысл.

В-третьих, в силу этого обстоятельства мы можем прийти к заключению, что практические социальные действия, действия, совершаемые под маркером узкогрупповых интересов, или действия одного дня, наиболее адекватно отражают состояние непривитости созидательных качеств коллективистским практикам.

Примечания

1. Социология и современная Россия. М., 2003. С. 111.
2. Там же. С. 112.
3. Свобода. Неравенство. Братство. М., 2007. С. 143.
4. Там же. С. 182.
5. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011. С. 5.
6. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., 2010. С. 31.
7. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 135.
8. Там же. С. 53.
9. Там же. С. 142.
10. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., 2010. С. 58.
11. Там же. С. 157.
12. Свобода. Неравенство. Братство. М., 2007. С. 207.
13. Там же. С. 138.
14. Социология и современная Россия. М., 2003. С. 113.
15. Там же. С. 118.
16. Социология и современная Россия. М., 2003. С. 163.
17. Там же. С. 102.
18. Свобода. Неравенство. Братство. М., 2007. С. 99.